

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 40.05.01 Правовое обеспечение
национальной безопасности
очной формы обучения, группы 01001315
Нестерова Павла Александровича

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент
Новикова А.Е.

Рецензент:
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский
государственный
университет имени Питирима
Сорокина»,
кандидат юридических наук
Збаражский Н.В.

БЕЛГОРОД 2018

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История человечества – история бесконечных войн и постоянных попыток на политическом, доктринальном и международном уровнях минимизировать последствия войны, что привело к формированию «Международного гуманитарного права»¹. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью и подлежат обязательной защите, а период вооружённого конфликта – время, когда закон отходит на задний план, уступая место личным интересам участников такого конфликта.

«Международное гуманитарное право» призвано минимизировать последствия вооружённого конфликта посредством урегулирования особенностей ведения данного конфликта, использования отдельных видов вооружения, обращения с военнопленными, запрета на использование пыток, обеспечения защиты мирного населения, прав и свобод личности.

Как известно, «Международное гуманитарное право» не имеет единой кодификации, и, по мнению различных авторов, включает в себя «право войны» и «право прав человека», что усложняет его применение. Также его двойственная природа даёт возможность предположения о частичном или полном взаимном дублировании норм «Международного гуманитарного права» и «Международного права прав человека».

Не всегда однозначна и правоприменительная практика, нашедшая своё отражение в решениях международных «судебных» органов, а, следовательно, проблема защиты прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов является достаточно актуальной.

Объект исследования – урегулированные нормами международного права общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением и защитой прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов.

---

¹ См.: The manual of International Humanitarian Law. Black letter text from / ed. by D. Fleck // The Handbook of International Humanitarian Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 8–10.

Предмет исследования – нормы, содержащиеся в международно-правовых актах, посвященные защите прав и свобод гражданского населения и ограничению средств и методов ведения войны.

Цель исследования – на основе анализа действующих международно-правовых актов, посвящённых защите прав и свобод человека в период международных вооружённых конфликтов, и современной научной литературы показать особенности и проблемы защиты прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов.

Задачи исследования:

– на основе исторического анализа и обобщения результатов исследования различных авторов предложить периодизацию развития института «Международное гуманитарное право»;

– исходя из сложившихся в науке позиций, раскрыть понятие «Международное гуманитарное право» и дать его определение;

– дать классификацию вооружённым конфликтам, раскрыв содержание каждого из них;

– в связи с сопряжением сфер правового регулирования, обозначить проблему распространения сферы действия «Международного права прав человека» на вооружённые конфликты;

– на примере права на жизнь и смежных или вытекающих из него прав и свобод показать проблемы реализации прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов;

– обозначить особенности ответственности за нарушение прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов.

Методологическую основу исследования составили общие и специальные методы научного познания. Применялись общие методы анализа и синтеза, абстрагирования, обобщения, формализации, индукции и дедукции. Кроме того, использовались метод диалектико-материалистической философии и системный подход.

Среди специальных методов, которые были применены в ходе исследования, следует отметить методы формально-юридического, сравнительно-правового, историко-правового анализа.

Нормативная основа исследования включает в себя: Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений от 18 декабря 1992 г., Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны от 5(18) октября 1907 г., Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г., Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г., Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и др.

Эмпирическая основа исследования. В работе использовались данные доклада специальной группы Организации Объединенных Наций, а также соответствующие тематике результаты диссертационных исследований В.В. Алешина, Л.П. Ануфриевой, С.Х. Глухенького, С.А. Егорова, И.И. Котлярова, Е.В. Медейко, С.Ф. Рахимова, М.Г. Смирнова, О.В Сашниковой, Ю.В. Северинчика, Е.С. Семеновой, и др.

Теоретическую основу исследования составили труды таких отечественных исследователей, как: А.Х. Абашидзе, А.Я. Капустина, В.А. Батыря, В.Н. Русинова, Е.В. Мартыненко, И.И. Котляров И.П. Блищенко, М. Хейтем.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя по три параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. От «Права войны» до «Международного гуманитарного права»: краткий исторический анализ

Одним из ключевых вопросов рассмотрения той или иной правовой категории всегда является процесс её развития и становления как таковой, и генезис понятия «Международное гуманитарное право» не исключение.

Говоря о периодизации, необходимо отметить, что она носит достаточно условный характер, представленные нами периоды не являются авторскими, а всего лишь обобщают некоторые позиции исследователей.

Первый этап развития института «Международное гуманитарное право» занимает достаточно широкий период времени и берёт своё начало от самой древности и завершается Второй мировой войной.

В указанный исторический период международное право вобрало в себя достаточно многообразные правовые нормы, включая и нормы, касающиеся «права войны». Последние образовывали особый раздел международного права, который действовал в условиях вооружённых конфликтов.

«Право войны», ограничивало выбор средств и методов ведения войны и обязывало щадить мирное население и лиц, отказавшихся от участия в военных действиях, тем самым упорядочивая особенности ведения военных действий. Являясь частью международного публичного права, «право войны» в определённой степени охраняло и права человека в период ведения военных действий.

Несмотря на это, процесс осознания потребности «смягчения последствий войны в целях защиты жизненных интересов и прав человека был долгим». Начало процессу такого осознания было положено ещё

древними цивилизациями, которым были близки современные идеи «ценности человеческой личности и жизни»¹.

Древние цивилизации имели религиозный характер и рассматривали человека как творение богов, а, следовательно, и поступать с ним необходимо соответственно.

Так, например, «право войны» древних римлян, несмотря на наличие некоторого сходства с древнегреческим, являлось более проработанным, имело религиозно-философское и политическое обоснование. Однако, несмотря на это, не обеспечивало защиту гражданского населения от жестокостей войны.

Большое развитие «Право войны» получило в период Римской империи, когда к нему присоединились другие права, которые дифференцировались в зависимости от социального статуса человека (римских граждан, иностранцев и т.д.); право носило классовый характер². Однако данные изменения не имели ничего общего с обеспечением прав и свобод человека в их современном значении. Это связано с отсутствием объективных условий для признания примата прав человека и принятия мер по их защите.

Несмотря на то, что проявление гуманизма в политике Римской империи в большей степени обусловлено нравственно-политическими убеждениями, мы не можем отрицать тот факт, что это могло послужить базисом для формирования в будущем основ демократии и прав человека.

Говоря о развитии института, нельзя обойти стороной религиозный аспект и вклад Католической церкви в развитие «права войны». Римская католическая церковь, пытаясь распространить своё влияние на всё большие территории, признавала право убивать «еретиков» или превращать их в

---

¹ Хейтем М. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010. С. 9.

² Подробнее см.: Мохаммед Х.А. Арраджи Вопрос о правах человека во время вооруженных конфликтов после окончания Второй мировой войны // «Аспирант». Сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2008. № 3. С. 3-11.

рабов, включая даже детей и женщин. Однако, «рыцарские правила», получившие папское благословление, внесли существенный вклад в развитие «права войны» как такового. «Объявление войны и запрещение использовать некоторые виды оружия, арбалеты – это наследство, оставленное человечеству эпохой рыцарства»¹.

Что касается других народов, то, к примеру, договоры, заключенные халифами и Восточной Римской империей, подразумевали гуманное отношение к пленным и возможность их выкупа. Мусульмане считали невозможным нарушать договор, в то время как в Европе было распространено убеждение, что соглашения с язычниками могут быть расторгнуты в одностороннем порядке.

Формирование гуманистических начал «права войны» в Европе шло быстрыми темпами. В заключаемых между командующими армиями соглашениях оговаривались условия обращения с жертвами войны, что в свою очередь являлось выражением здравого смысла, умеренности и гуманизма. Впоследствии такие соглашения породили самое что ни на есть «обычное право», одним из постулатов которого становится обеспечение защиты мирного населения от последствий войны.

Такое положение способствовало распространению на международном уровне идей Ж.Ж. Руссо о происхождении общества и назначении государства: «гражданин передает часть своих прав государству только с целью обеспечения себе защиты взамен».

Эти гуманистические идеи не могли не оказать влияния на развитие международного права и политики. Подхваченные Французской революцией эти идеи нашли своё отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. а впоследствии и в Конституции Франции 1791 г.

---

¹ Хейтем М. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010. С. 10.

Более того, законодательство требовало одинакового обращения со своими и вражескими солдатами и установило, что военнопленные находятся под защитой нации и закона.

Данные прогрессивные идеи впоследствии нашли своё закономерное отражение в «Международном гуманитарном праве», хоть на данном этапе ещё рано называть его именно так.

Гаагская мирная конференция 1899 года (первая Гаагская конференция) распространила действие норм Женевской конвенции 1899 года (первой Женевской конвенции) на жертвы морской войны. В 1907 году Второй Гаагской мирной конференцией была принята пересмотренная редакция данной Конвенции. Тогда же были приняты Гаагские конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которые содержали некоторые правила обращения с военнопленными. В дальнейшем текст Женевской конвенции был пересмотрен в 1929 году, с учётом последствий Первой мировой войны¹.

В новой редакции Конвенции было учтено развитие медицинской авиации, было исключено абсурдное положение, в соответствии с которым Конвенция вступала в силу при её обоюдной ратификации воюющими сторонами.

Также новая редакция конвенции определила порядок использования специальных обозначений для медперсонала и военных медучреждений.

Был провозглашён принцип недопустимости захвата в плен медперсонала и необходимости возвращения медицинских работников в их собственный лагерь, но он соблюдался в том случае, «если только специальным соглашением не оговорено иное».

Женевская конвенция относительно неплохо соблюдалась во время Второй мировой войны, но воюющие стороны удерживали врачей и медицинских сестер в лагерях для военнопленных для лечения их соотечественников.

---

¹ См.: Мартыненко Е.В. Международное гуманитарное право. М., 1991. С. 21.

В целом произошли глубокие изменения в «искусстве ведения войны». Не лишены были и изменений научная, общественная и официальная составляющие жизни государства. Таким образом, на этапе развития международного права от древности до Второй мировой войны права человека имели тесную связь с вооружёнными конфликтами. Характерной чертой данного периода стал тот факт, что вооруженные конфликты оказались более актуальны, нежели права человека. Права человека были известны международному праву прошлого, но не получили общего признания. По большей части эти права были предметом дискуссий. Вместе с тем, по истечении времени ситуация стала постепенно меняться – война медленно, но верно сдавала свои позиции, отдавая приоритет правам человека.

Второй этап развития института «Международного гуманитарного права» приходится на период времени между Второй мировой войной и по настоящее время.

После окончания Второй мировой войны международным сообществом был принят ряд нормативных актов, касающихся «Права войны», включая и Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны 12 августа 1949 г.¹.

Однако, несмотря на общую отстранённость Организации Объединённых Наций (далее – ООН) от данного процесса, она внесла существенный вклад в Женевские конвенции в части обеспечения гарантий прав человека на международном уровне. Обусловлено это было тем, что Женевские конвенции были приняты всего через несколько месяцев после провозглашения Всеобщей декларации прав человека. Внимание, уделённое правам человека, привело к тому, что «Право войны», в традиционном его понимании, постепенно трансформировалось в право, ориентированное на защиту прав человека.

---

¹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 681.

Как отмечает Мохаммед Хейтем Ахмед Арраджи, «право внутренних вооруженных конфликтов всё больше сближается с правом международных вооруженных конфликтов»¹; это связано, прежде всего, с принятием в 1949 г. Женевских конвенций² и Дополнительных протоколов к ним в 1977 г., где достаточно полно освещены многие аспекты прав человека во время вооруженных конфликтов и ведения военных действий³.

Таким образом, в процессе становления «Международного гуманитарного права» условно можно выделить два основных этапа:

1 этап: «От древности до Второй мировой войны».

На данном этапе зародились основополагающие начала института «Права войны», были сформированы основные принципы ведения войны, и обозначен статус мирного населения, который систематически изменялся (государства древней Греции, древнего Рима, Средневековые католические государства). Наибольшее развитие «Международное право войны» получило после Первой мировой войны, а современным «Международным правом войны» мы обязаны Второй мировой войне и её последствиям.

2 этап: «От Второй мировой войны до настоящего времени».

Данный этап характеризуется интенсивным развитием «Международного гуманитарного права», его существенной германизацией и приведением в соответствие с нормами «Международного права прав

---

¹ Хейтем М. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010. С. 11.

² Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 603; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 625; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 634; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 681.

³ Подробнее см.: Хейтем М. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010. С. 11.

человека». На данном этапе так называемое право «Международного вооружённого конфликта» максимально приближается к «Праву внутригосударственного вооружённого конфликта».

Учитывая результаты исследований отечественных авторов и классическую периодизацию Мировой истории, можно сделать вывод, что история регулирования отношений во время вооруженных конфликтов берет начало задолго до XIX в. и не может рассматриваться отдельно от Мировой истории. В связи с этим предлагается следующая периодизация истории развития международного гуманитарного права:

- развитие законов и обычаев войны в древности;
- развитие законов и обычаев войны в средневековье;
- развитие законов и обычаев войны в новое и новейшее время.

§ 2. Понятие и сущность «Международного гуманитарного права»

В современной науке не сложилось единого мнения по поводу такой правовой категории, как «Международное гуманитарное право». Можно выделить как минимум три основных подхода к определению его понятия.

Первая точка зрения сводится к тому, что её сторонники считают «Международное гуманитарное право» частью «Международного права прав человека». Так, В.А. Карташкин, говорит, что права человека в качестве отрасли международного права представляют собой совокупность принципов и норм, закрепленных в трех группах международных документов:

1. Принципы и нормы, касающиеся прав человека главным образом в условиях мира.

2. Международные конвенции о защите прав человека в период вооруженных конфликтов.

3. Международные документы, в которых регламентируется ответственность за преступное нарушение прав человека, как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов¹.

В данной связи исследователь предлагает следующее определение рассматриваемой отрасли: «совокупность принципов и норм, определяющих обязанность государств по обеспечению и соблюдению основных прав и свобод человека без всякой дискриминации как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, а также устанавливающих ответственность за преступное нарушение этих прав»².

Сторонники другой точки зрения рассматривают «Международное гуманитарное право» как более широкую категорию, которая включает в себя «Международное право прав человека». Так, по мнению И.П. Блищенко, «Международное гуманитарное право» является совокупностью международно-правовых норм, которые определяют режим прав и свобод человека в мирное время и во время вооруженного конфликта, а также совокупность правовых норм, определяющих ограничение гонки вооружений, ограничение и запрещение определенных видов оружия и разоружение³.

При этом О.И. Тиунов, применяя термин «Международное гуманитарное право», включает в него «современные международные нормы, касающиеся прав человека во всех аспектах этих прав («право прав человека»)), и «гуманитарные нормы, которые сложились по поводу защиты личности в определенной ситуации, а именно – в вооруженном конфликте»⁴.

---

¹ Подробнее см.: Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. С. 50-51; Карташкин В.А. Международное право и личность // Современное право. 2012. № 11. С. 110-118; Карташкин В.А. Права человека и международное гуманитарное право // Юрист- международник. 2006. № 2. С. 2-8.

² Карташкин В.А. Международное право и личность // Международные отношения, политика и личность. М.: Наука, 1976. С. 115-122.

³ См.: Блищенко И.П. Обычное оружие и международное право. М.: Международные отношения, 1984. С. 75.

⁴ Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право: Учебник. 2-е изд. М.: Норма, 2009. С. 10.

Схожей позиции придерживается и А.Я. Капустин, понимая под «международным гуманитарным правом» нормы международного права о защите прав человека, а также «международного гуманитарного права, применимого в вооруженных конфликтах»¹.

Третья точка зрения, которой придерживается большинство исследователей, свидетельствует о том, что «Международное гуманитарное право» и «Международное право прав человека» являются самостоятельными отраслями международного права.

С этой точки зрения «Международное гуманитарное право»² пришло на смену такой международно-правовой категории как «Право войны», которая долгое время использовалась для обозначения норм международного права, посвящённых «законам» и «правилам» ведения войны.

Говоря об определении понятия «международное гуманитарное право» как самостоятельной отрасли международного права, необходимо отметить определение, сформулированное Х.П. Гассером: «право, применяемое в вооруженных конфликтах, которое пытается смягчить проявления войны, во-первых, путем наложения ограничений на способы и методы ведения войны и, во-вторых, обязывая лиц, принимающих участие в военных действиях, оберегать и защищать тех, кто не принимает или прекратил принимать участие в военных действиях»³.

Подобного подхода к определению понятия последние десятилетия придерживаются ООН, международные уголовные суды, а также Международный Комитет Красного Креста, который активно способствует дальнейшему развитию международно-правовых норм в этой сфере.

В свою очередь Т. Мерон, отстаивая самостоятельность этих двух отраслей, писал, что они «разные и должны оставаться разными», и «нет

---

¹ Международное гуманитарное право: Учебник / Под ред. А.Я. Капустина. 2-е изд. М.: Юрайт, 2011. С. 9.

² Данный термин был введён Ж. Пикте, автором знаменитых комментариев к Женевским конвенциям.

³ Гассер Х.П. Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК, 1999. С. 25

смысла в том, чтобы притворяться, что международное гуманитарное право и право прав человека одно и то же»¹.

Международный суд ООН в консультативных заключениях о правомерности угрозы или применения ядерного оружия в 1996 г. и о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории в 2004 г., а также в решении 2005 г. по делу «Демократическая Республика Конго против Уганды» исходил из позиции существования двух самостоятельных отраслей права – «Международное гуманитарное право» и «Международное право прав человека»².

Несмотря на то, что «Международное гуманитарное право» является самостоятельной отраслью права, оно обладает двуединой природой и включает в себя как «право прав человека», так и «право войны» – об этом в своих ранних трудах пишет сам автор термина Ж. Пикте³. Именно с этим связаны споры, возникающие вокруг понятий «Международное гуманитарное право» и «Международное право прав человека».

Несмотря на то, что «Международное гуманитарное право» определённый период времени ассоциировалось с защитой жертв войны – «Правом Женевы» – и имело чёткое отграничение от права ограничивающего средства и методы ведения войны – «Право Гааги», – с принятием 8 июня 1977 года Дополнительного протокола I⁴ и Дополнительного протокол II⁵ к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, как полагают некоторые исследователи, данное различие удалось свести в единую категорию, обозначив их как «Международное гуманитарное право».

---

¹ Meron T. *International Criminalization of Internal Atrocities* // *American Journal of International Law*. 1995. Vol. 89. P. 100.

² Подробнее см.: Русинова ВА. *Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека*: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 30.

³ См.: Пикте Ж. *Развитие и принципы международного гуманитарного права*. М.: МККК, 2001. С. 11.

⁴ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949 касался вопросов связанных с защитой жертв международных вооруженных конфликтов.

⁵ Данный протокол касается защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Невзирая на наметившуюся тенденцию в понимании «Международного гуманитарного права» и соотношении его с «Международным правом прав человека» как самостоятельных отраслей международного права, данный вопрос по-прежнему остаётся спорным. Мы не можем утверждать, что какой-то один подход является истинно верным, а остальные – нет. Все они имеют большое значение для науки и практики применения норм международного права.

По нашему мнению, для обозначения международно-правовых норм, специально созданных для защиты жертв вооруженных конфликтов и ограничения средств и методов ведения войны, целесообразно использовать термин «Международное гуманитарное право», что позволит избежать некоторой разрозненности научной терминологии.

Однако, с точки зрения отраслевого подхода, при котором в основу деления права на отрасли положен предмет и метод правового регулирования, выделение двух самостоятельных отраслей права не вполне корректно, так как в международном праве используется единый метод – метод «координации, согласования воле государств», а предмет правового регулирования частично или полностью совпадает.

В научной литературе прослеживается три основных подхода, которые предлагается использовать при делении международного права на отрасли.

Первый подход – «автономность» или «самодостаточность» однородной совокупности правовых норм, регулирующих определённую группу отношений (*self-contained regimes*). При этом, в силу действия п. 3 «с» ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров¹, ни один из режимов, претендующих на самодостаточность и автономность, не является полностью замкнутым. По этой причине «Международное гуманитарное право» и «Международное право прав человека» автономными режимами *stricto sensu* не являются.

---

¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

Следовательно, логичен вывод о том, что в целом нормы «Международного права прав человека» не могут рассматриваться как автономный режим, так как они не исключают обращения к общим нормам не только «права международных договоров», но и международной ответственности, признания субъектов международного права, правопреемства, территории и др., в том числе и к нормам международного гуманитарного права.

В основу второго подхода положен критерий «специального режима», который предполагает возможность отграничить его от других «специальных режимов» по предмету регулирования. Однако, в силу двойственной природы самого «Международного гуманитарного права», использование данного подхода не представляется возможным. Обе отрасли регулируют смежные отношения, а, следовательно, предмет их регулирования тождественен¹.

Предметы регулирования этих отраслей действительно пересекаются в той части, в которой «Международное гуманитарное право» содержит нормы, связанные с правами человека. Международный суд ООН в Консультативном заключении о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории указал, что возможны три ситуации: «одни права могут быть исключительно предметом регулирования международного гуманитарного права, другие могут быть исключительно предметом регулирования права прав человека, а некоторые могут подпадать под обе отрасли международного права»².

Третий подход – «Утилитарный», при котором совокупность норм, регулирующих однородные общественные отношения, принудительно выделяется в качестве самостоятельной отрасли при условии наличия специальных принципов, большого объема нормативного материала и ряда

---

¹ См.: Усенко Е.Т. О системе международного права // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 117-126.

² Advisory Opinion on Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, para. 106.

других критериев, которые варьируются в зависимости от теоретических воззрений авторов¹. Именно этот подход положен в основу квалификации «Международного гуманитарного права» и «Международного права прав человека» в качестве двух самостоятельных отраслей международного права.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что рассматривать данные отрасли как самостоятельные можно достаточно условно в силу их «органической» связи.

§ 3. Международно-правовое значение понятия «вооружённый конфликт»

Прежде чем перейти к рассмотрению проблем, связанных с реализацией прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов, необходимо ответить на вопрос: что же такое вооружённый конфликт?

Применяя буквальное толкование данного понятия, можно говорить о том, что это конфронтация между участниками международных отношений (государствами), обременённая применением оружия и ведением боевых действий.

Несмотря на то, что «Международное гуманитарное право» призвано ограничивать последствия вооружённого конфликта, оно не содержит исчерпывающего определения ситуаций, попадающих в его сферу материального применения.

В связи с этим необходимо понимать, что в зависимости от вида вооружённого конфликта применяются различные правовые нормы.

Так, например, статья 2 (1) Женевской конвенции 1949 г. определяет следующее: «Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта,

---

¹ См.: Курс международного права. В 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / Ю.А. Баскин, Н.Б. Крылов, Д.Б. Левин и др. М.: Наука, 1989. С. 264-267.

возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны»¹. В данном контексте под Высокими Договарившимися Сторонами понимаются государства – суверенные образования, а, следовательно, конфликт носит открытый характер. Другой вид конфликта – «интернациональный». В данном случае одно государство вмешивается в уже существующий внутренний конфликт другого государства. Это происходит тогда, когда иностранная держава направляет войска на территорию другого государства для оказания поддержки движению, находящемуся в оппозиции к местному правительству.

Также статья 2 (1) Женевской конвенции 1949 г. выделяет объявленную войну, при которой состояние войны признаётся соответствующими сторонам (государствами), и иные виды вооружённых межгосударственных конфликтов, независящих от формы определения их сторонами. Такой подход к разграничению статуса конфликтов позволил исключить зависимость «Международного гуманитарного права» от воли правительств. Тем самым в основу выделения новой категории «Международный вооружённый конфликт» был положен принцип фактического существования конфликта².

В случае, если одной из сторон, принимающих участие в военных действиях, удаётся одержать победу над противником, то вооружённый конфликт может принять форму оккупации.

По смыслу статьи 42 Гаагского положения 1907 г. «территория признается занятой, если она действительно находится во власти

---

¹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 681.

² См.: Сильван Вите Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf> (дата обращения 10.01.2018).

неприятельской армии»¹. Чтобы считать вооружённый конфликт перешедшим в оккупацию, должны быть выполнены два условия:

1. Способность оккупирующей стороны осуществлять эффективный контроль над оккупированной территорией.

2. Вмешательство не должно быть одобренным законным сувереном.

Ярким примером оккупации является ситуация, сложившаяся в Нагорном Карабахе. Республика Нагорный Карабах, провозгласившая себя автономным государством 6 января 1992 г., осуществляет «эффективный территориальный контроль» над территорией, являвшейся частью Азербайджана².

Статья 3 Женевской конвенции 1949 г. и статья 1 Дополнительного протокола II 1977 г. позволяют выделить ещё одну категорию вооружённых конфликтов – «Немеждународный вооружённый конфликт».

Вооруженные конфликты, которые не носят международного характера, это те конфликты, в которых по крайней мере одна из участвующих сторон не представляет правительство. В каждом конкретном случае военные действия происходят либо между одной (или более) вооруженной группировкой и правительственными силами, либо исключительно между вооруженными группировками.

Статья 3 также провозглашает следующее: «нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таких, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера».

Конфликт признаётся немеждународным при соблюдении следующих условий:

1. Напряжённость насилия.
2. Организованность сторон.

---

¹ См.: Там же.

²См.: Там же.

Данные критерии являются, если можно так выразиться, абстрактными категориями: их необходимо оценивать в каждом конкретном случае, учитывая множество различных показателей.

Дополнительный протокол II определяет, что напряжённость насилия имеет место только в том случае, когда ситуация достигает такого уровня насилия, который отличает её от ситуаций напряженности или беспорядков внутри страны. Данный протокол также, конкретизируя норму статьи 3 Конвенции, предъявляет требование к уровню организации неправительственных сил. Имеется в виду, что они должны находиться «под ответственным командованием» и осуществлять контроль над территорией, который позволит им «вести непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»¹.

Таким образом, мы можем говорить как минимум о наличии двух категорий конфликтов:

1. Международные вооружённые конфликты:

- Объявленная война;
- Открытые конфликты;
- Интернациональные конфликты;
- Оккупация;
- иные виды вооружённых конфликтов.

2. Немеждународные вооружённые конфликты.

Разница между ними заключается в локализации конфликта, сторонах, участвующих в конфликте, и соответствии критериям, определённым «Международным гуманитарным правом».

Также существуют и другие подходы к классификации вооружённых конфликтов, однако в рамках данного исследования перед нами не стоит задача рассмотреть все возможные из них. Первостепенно нам необходимо обозначить сферу действия «Международного гуманитарного права» в рамках международных вооружённых конфликтов.

---

¹ См.: Там же.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Распространение сферы действия «Международного права прав человека» на вооруженные конфликты

Как нами отмечалось в первой главе, «Международное гуманитарное право» имеет двойственную природу и содержит в себе нормы, определяющие правила ведения войны (так называемое «Международное право войны»), и нормы, направленные на защиту прав и свобод человека («Международное право прав человека»).

Именно по этой причине предлагаем рассмотреть особенности действия «Международного права прав человека» во время вооружённых конфликтов.

Международные договоры различного уровня, касающиеся прав человека, определяют различный порядок (условия) реализации прав человека в период вооружённых конфликтов. Так, одни договоры дают возможность отступления от соблюдения закрепленных в них прав человека, другие, напротив, запрещают делать отступления, а некоторые содержат положения, специально предназначенные для применения в ситуации вооруженного конфликта¹.

К примеру, Международный пакт о гражданских и политических правах², Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах³, Конвенция о защите прав человека и основных свобод⁴, а также

---

¹ Подробнее см.: Русинова ВА. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 45.

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163

Американская конвенция о правах человека¹ в своём содержании имеют положения, допускающие отступление от соблюдения прав человека в период вооружённых конфликтов.

Из этого следует, что государства имеют возможность отступления от соблюдения обязательств по международному договору в период вооружённого конфликта. Правда, такое отступление допустимо лишь при условии информирования соответствующих международных должностных лиц. А это означает, что в случае несоблюдения этого условия договорные обязательства продолжают действовать в полном объёме.

Однако государства крайне редко пользуются таким правом, а чаще даже не вводят режим чрезвычайного положения в соответствии с национальным правом.

Также критериями такого отступления от налагаемых международным правом обязательств являются принципы «необходимости» и «пропорциональности». То есть, такое отступление должно соответствовать степени чрезвычайности или остроты сложившейся ситуации. При этом, в случае отступления от соблюдения отдельных прав, вытекающих из норм международного права, принимаемые государствами меры по отступлению не должны нарушать «другие обязательства по международному праву»².

Однако существует ряд прав, от соблюдения которых запрещается делать отступление – обязательства по соблюдению «основных прав» сохраняются за государством даже в условиях вооружённого конфликта.

Среди многообразия прав обязательному соблюдению подлежат: право на жизнь, запрет применения пыток, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство видов обращения или наказания, запрет рабства, запрет придания обратной силы уголовному закону, принцип *nullum crimen sine lege*, а также право на признание правосубъектности, право на свободу

---

¹ Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г. // Human Rights. A Compilation of International Instruments. New York; Geneva, 1997. P. 17

² См.: Алешин В.В. Правовые основы режима контртеррористической операции // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2008. СПб.: Россия-Нева, 2009. С. 172.

мысли, слова и религии. Кроме того, Международный пакт о гражданских и политических правах не допускает отступлений от запрета лишения свободы из-за невыполнения договорного обязательства. Американская конвенция о правах человека идёт дальше Международного пакта о гражданских и политических правах, запрещая государствам-участникам отступать от обязанностей по защите семьи, соблюдению права на имя, прав ребенка, права на гражданство и на участие в государственном управлении, а также права на предоставление правовых гарантий для защиты прав, от которых нельзя отступать. В свою очередь государства-участники Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод не могут отступать от запрета смертной казни в мирное время, а участники Протокола № 13 – и в военное время; Протокол № 7 запрещает привлекать к уголовной ответственности дважды. Наконец, принцип *non-refoulement*, закрепленный в Конвенции о статусе беженцев и имеющий обычно-правовую природу, считается нормой *jus cogens*¹.

Наличие принципиальной возможности применения норм «Международного права прав человека» в период вооруженных конфликтов не означает, что тот или иной международный договор будет распространять своё действие на конкретную ситуацию².

Ключевая проблема действия международного права в пространстве связана со случаями, когда «действия лиц, поведение которых вменяется этому государству, происходят за пределами его границ, что может иметь место в случае непосредственного участия государства в международном или немеждународном вооруженном конфликте, имеющем место за рубежом, в том числе в случае оккупации, а также в связи с предоставлением этим государством своих военных формирований для участия в миротворческих

---

¹ См.: Attain J. The Jus Cogens Nature of Non-Refoulement // International Journal of Refugee Law. 2001. №13 (4). P. 540.

² Каждый договор имеет соответствующую сферу применения в пространстве, которая может быть установлена в его тексте или вытекать из применения общих правил, зафиксированных в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

операциях»¹.

Таким образом, можно говорить об особенностях действия международного права в пространстве (*ratione loci*) и по кругу лиц (*ratione personae*).

Например, в соответствии с п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте»². Из содержания рассматриваемой нормы следует, что индивид должен находиться на территории государства-участника Пакта, и он должен подпадать под юрисдикцию данного государства.

Однако принятый параллельно с Пактом Факультативный протокол содержит иную формулировку: «государство-участник Пакта, которое становится участником настоящего Протокола, признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц». Такое уточнение было необходимо для расширения компетенции Комитета по правам человека ООН³, который пошёл по пути широкого толкования п. 1 ст. 2 Пакта: как указывается в Замечании общего порядка № 31, «государства-участники обязаны, в соответствии с пунктом 1 статьи 2, уважать и обеспечивать права, закрепленные в Пакте, в отношении всех лиц, которые могут находиться на их территории, и всех лиц, которые подпадают под их юрисдикцию»⁴. Из такого толкования следует:

1. Государство-участник должно уважать и обеспечивать права, установленные в Пакте, каждому, кто находится под властью или эффективным контролем этого государства, даже если лицо не находится на

---

¹ См.: Attain J. The Jus Cogens Nature of Non-Refoulement // International Journal of Refugee Law. 2001. №13 (4). P. 538-558.

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

³ Такое расширение полномочий стало возможным за счёт за счёт наделения его правом рассматривать индивидуальные сообщения.

⁴ HRCmt, General Comment № 31 [80], Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 29 March 2004. Ibid. Para. 10.

территории государства-участника¹.

2. Данный международный договор распространяет свою силу на ситуации, в которых нарушение происходит на территории, где государство-участник не осуществляет юрисдикции².

Однако так и остается нерешенным вопрос о том, применим ли Международный пакт о гражданских и политических правах в случае, когда государство участвует в вооруженных действиях за рубежом, при условии, что степень контроля над этой территорией не позволяет квалифицировать ситуацию в качестве оккупации. Из Замечания общего порядка следует, что Пакт применяется вне пределов территории государства, если оно осуществляет юрисдикцию, которую, следуя логике Комитета по правам человека ООН, нужно понимать как осуществление «власти или эффективного контроля» над индивидом³.

Все действующие международные договоры по правам человека основаны на том, что адресатами обязанностей по соблюдению прав выступают государства, что предполагает – в предусмотренных этими договорами случаях – возможность жертв нарушения обратиться в специально создаваемые органы с жалобой на лиц, чьи действия можно вменить государству-участнику. Однако специфика вооруженных конфликтов заставляет взглянуть на действие международно-правовых норм

---

¹ Обладание правами предоставлено не только гражданам государств-участников, но также должно быть доступно всем индивидам, несмотря на гражданство или его отсутствие, в том числе лицам, претендующим на получение убежища, беженцам, трудящимся-мигрантам и другим лицам, которые находятся на территории или подпадают под юрисдикцию государства-участника»; «этот принцип также применим к тем, на кого распространяется власть или эффективный контроль вооруженных сил государства-участника, действующих за пределами его территории, вне зависимости от обстоятельств, при которых были получены власть или эффективный контроль, будь то силы, составляющие национальный контингент государства-участника, предоставленный для международной миротворческой операции или операции по поддержанию мира».

² В частности, именно этот вывод был положен Комитетом по правам человека ООН в основу решений, вынесенных по докладам Молдовы, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Ливана.

³ См.: Русинова ВА. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 80.

в области прав человека – как договорных, так и обычно-правовых – с позиции их применимости к другим акторам:

во-первых, к международным организациям, которые активно участвуют в урегулировании конфликтов.

во-вторых, к неправительственным организованным вооруженным группам, которые могут выступать в качестве носителей публичной власти.

Обращаясь к анализу возможности международных организаций выступать адресатами обязанностей по соблюдению прав человека, следует признать, что за несколько десятилетий проведения миротворческих операций увеличилось не только их общее число, но и формы проведения. Миротворческие операции осуществляются под эгидой различных международных организаций (к примеру, на текущий момент 16 военных операций проводятся ООН, две – Европейским союзом, три – Африканским союзом). В состав участвующих в операциях контингентов может входить как военный, так и гражданский персонал. Развертывание этих операций регулируется разными правовыми источниками, и наконец, миротворческие операции имеют разные цели. В качестве иллюстрации можно сослаться на доклад Группы по операциям ООН в пользу мира, известный как доклад Л. Брахими, где было указано на три вида деятельности, осуществляемой в рамках проводимых ООН операций в пользу мира: предотвращение конфликтов и установление мира, поддержание мира и миростроительство¹.

Поскольку та или иная многонациональная операция проводится при участии международной организации, обладающей международной правосубъектностью, постольку возникает вопрос о применимости «Международного права прав человека». Пока Европейский союз не присоединился к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., справедливо утверждать, что ни одна международная организация не

---

¹ Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира, A/55/305 S/2000/809, 17 августа 2000 г. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/594/72/PDF/N0059472.pdf?OpenElement>. (дата обращения 20.12.2017).

является участником международного договора по правам человека¹. Несмотря на это, существует не один, а сразу несколько путей, позволяющих сделать вывод о распространении обязательств по соблюдению прав человека и на эти субъекты международного права.

§ 2. Проблемы соблюдения некоторых прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов

Женевская конвенция и Дополнительный протокол I к ней содержат перечень конкретных действий, которые определяются как «серьёзные нарушения», совершение которых влечёт за собой международную уголовную ответственность. К таким нарушениям «Международного гуманитарного права» относятся: «преднамеренное убийство; пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты над людьми; преднамеренное причинение тяжких страданий, серьезно угрожающих физическому или психическому состоянию любого лица; нанесение серьезного увечья или ущерба здоровью; незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью, незаконное депортирование или перемещение; незаконное лишение свободы; взятие заложников; принуждение служить в вооруженных силах неприятеля и лишение права на беспристрастное и нормальное судопроизводство»².

Статьи 11 и 85 Дополнительного протокола I существенно расширяют этот перечень нарушений, выделяя в качестве квалифицирующего

---

¹ См.: Verdirame G. Compliance with Human Rights in UN Operations // Human Rights Law Review. 2002. Vol. 2. № 2. P. 286.

² Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 603.; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 634.; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999. С. 681.

обстоятельства нанесения ущерба физическому или психическому состоянию здоровья, как умышленно, так и «по упущению». К «серьезным» действиям, также можно отнести умышленные действия, повлекшие за собой (ставшие причиной) смерть, причинение серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью; превращение гражданского населения или отдельных лиц в объект нападения; совершение нападения неизбирательного характера, когда известно, что такое нападение приведет к чрезмерным потерям среди гражданского населения; совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение причинит чрезмерные потери жизни и ранения среди гражданского населения. В соответствии с п. 5 ст. 85 Дополнительного протокола I такие нарушения «Международного гуманитарного права» квалифицируются как военные преступления.

Большая часть этих «нарушений» прямо или косвенно связана с правом на жизнь. По этой причине подробнее остановимся именно на нём.

Говоря о нормативном регулировании права на жизнь, необходимо отметить тот факт, что оно урегулировано двумя самостоятельными отраслями международного права – «Международным гуманитарным правом» и «Международным правом прав человека». По этой причине, с одной стороны, некоторые нормы частично или полностью совпадают по своему содержанию. Так, например, нарушение запрета произвольного или умышленного лишения жизни лиц, находящихся во власти представителей государства, а также внесудебные казни являются нарушениями норм обеих отраслей. С другой стороны, нормы, различающиеся по своему содержанию, «органически» дополняют друг друга: это относится, например, к обязанности расследовать нарушения международного гуманитарного права и международного права прав человека. При этом существует ряд норм, рассматриваемых в качестве противоречащих друг другу. В первую очередь, к таким нормам относятся нормы, связанные с защитой права на жизнь при

применении силы в отношении противника во время ведения военных действий.

Такое расхождение между международно-правовыми нормами, регулирующими право на жизнь, часто описывается в научной литературе и судебных решениях как противостояние «военной» и «правоохранительной» моделей¹. При этом авторы указывают на возможность в период вооружённого конфликта правомерно в любое время выводить из строя комбатантов противника, а также гражданских лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях, которая предусмотрена «Международным гуманитарным правом», а «Международное право прав человека» требует соблюдения принципов «абсолютной необходимости» лишения жизни и его пропорциональности защите своей жизни или жизни других лиц, правомерного задержания лица, а также подавления бунта или мятежа. Как следствие, правомерное с точки зрения «Международного гуманитарного права» применение силы может нарушать нормы «Международного права прав человека».

Многочисленные попытки, направленные на разрешение данной коллизии, как правило, основаны на применении правила *lex specialis derogat legi generali*. При этом одни авторы определяют нормы «Международного гуманитарного права», определяющие правомерность лишения жизни как специальные *lex specialis*, ссылаясь на § 25 Консультативного заключения Международного суда ООН о правомерности угрозы или применения ядерного оружия. Другие говорят о том, что определение специальной нормы напрямую зависит от конкретной ситуации. В таком случае, если акцент делается на содержании, то специальной нормой признается правило, которое является более чётким, детализированным; если на выполняемой функции – тогда в качестве специальной нормы рассматривается правило,

---

¹ См.: Expert Meeting on the Right to Life in Armed Conflicts and Situations of Occupation. P. 18-42.

предназначавшееся для регулирования соответствующей ситуации, вне зависимости от его четкости и степени разработанности.

При этом, являясь основополагающим естественным правом человека, рассматриваемое право приобретается по праву рождения и является неотчуждаемым. Такие его свойства являются общепризнанными. В связи с этим в международно-правовых актах и национальном законодательстве большинства стран мира право на жизнь и связанные с ним права – на физическую неприкосновенность, запрет пыток, насилия и рабства, уважение человеческого достоинства, гарантии справедливого правосудия и некоторые другие – наделяются особым статусом и не подлежат приостановлению или ограничениям в условиях чрезвычайного положения или вооруженного конфликта в соответствии с п. 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах¹; п. 2 ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод². Аналогичные положения, к примеру, содержит ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации³. Так, Консультативное заключение Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. отмечает что ст. 6 положения Международного пакта о гражданских и политических правах, запрещающая «произвольное лишение жизни», применяются и во время войны. В связи с этим также необходимо отметить ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 4 Американской конвенции о правах человека и ст. 4 Африканской хартии о правах человека и нравах народов. Все они исключают возможность приостановления права на жизнь, физическую неприкосновенность и ряда других прав человека, тем самым признавая их действие и защиту в период вооружённых конфликтов. Однако, что ранее нами уже упоминалось, необходимо точное определение

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

субъектов права на жизнь, поскольку убийство лиц из состава вооруженных сил противника считается законным. В связи с этим «гуманитарные конвенции» конкретизируют круг лиц, на жизнь которых запрещено покушаться: раненые, больные, военнопленные, гражданские лица, а также убийство противника, сложившего оружие, сдавшегося или не имеющего возможности защищаться. Также запрещено совершать действия, имеющие своей целью вызвать голод среди гражданского населения, разрушение объектов и установок, необходимых для выживания граждан и др. Без этих уточнений невозможно говорить о всецелом провозглашении права на жизнь, а его реализация и защита не имели бы достаточного обеспечения.

Таким образом, существенной преградой на пути «ужасов войны» являются принципы и нормы, положенные в основу «Международного гуманитарного права». Соблюдение этих норм не только защищает человеческую жизнь и среду обитания во имя сохранения жизни, но и способствует поддержанию нравственно-психологического климата в обществе в режиме гуманности и сострадания.

§ 3. Юридическая ответственность за нарушение прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов

«Международное гуманитарное право» предусматривает индивидуальную ответственность лиц, совершивших или отдавших приказ о совершении «серьёзных нарушений», о которых нами упоминалось в предыдущем параграфе. Именно такую позицию избрал Международный уголовный суд, закрепив её в Римском статуте от 17 июля 1998 г. В соответствии с п. 2 ст. 8 Римского статута, к юрисдикции данного суда относятся «серьёзные нарушения» совершённые как в ходе международных, так и внутренних вооружённых конфликтов¹.

---

¹ См.: Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт, 2002. С. 375; Пелландини К. Общие вопросы, касающиеся имплементации

В свою очередь, согласно предписаниям «Международного гуманитарного права», обязанность по осуществлению уголовного преследование лиц, виновных в «серьезных нарушениях», возлагается на государство. В связи с этим национальное законодательство большинства цивилизованных государств приведено в соответствие с нормами «Международного гуманитарного права».

Так, например, в соответствии с требованиями «Международного гуманитарного права» у государств – участников международных договоров существует обязанность по соблюдению и требованию соблюдения этих договоров. Все четыре Женевские конвенции в своём содержании имеют нормы, согласно которым «Высокие Договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения...».

В свете действия такого положения особый интерес имеет Бельгийский закон от 16 июня 1993 г. о пресечении «серьезных нарушений». Один из первых территориальных законов, распространяющий некоторые «серьезные нарушения» «Международного гуманитарного права» на немеждународные вооружённые конфликты¹.

Статья 7 Закона закрепляет принцип универсальной юрисдикции, которая не имеет связи с территориальностью и национальной принадлежностью виновного лица. Следовательно, суды Бельгии наделены юрисдикцией преследовать иностранцев, совершивших серьезные нарушения в ситуации внутреннего вооруженного конфликта любой страны².

Римского статута Международного уголовного суда на национальном уровне // Международное право – International Law. Спец. выпуск., 2005. С. 50-52.

¹ См.: Сафронов Н.А. Материально-правовая имплементация римского статута международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов // Государство и право. № 3. 2012. С. 79.

² Рассматривая дело по обвинению руандийца в совершении на территории Руанды преступлений, квалифицируемых в соответствии с бельгийским законом от 16 июня 1993 г. в качестве серьезных нарушений международного гуманитарного права, апелляционный суд Брюсселя в приговоре от 17 мая 1995 г. подтвердил юрисдикцию судов Бельгии в

Другой важной особенностью данного закона является то, что жертву военного преступления закон наделяет правом подачи жалобы в следственные органы с требованием о возбуждении уголовного дела в случае бездействия должностных лиц прокуратуры.

Уголовное законодательство Испании и Швеции также содержит специальные разделы о «серьезных нарушениях» во время вооруженных конфликтов обоих типов. В соответствии с региональным законодательством такие деяния отнесены к юрисдикции национальных судов, то есть признается универсальная юрисдикция. Швейцарское законодательство также наделяет военные суды юрисдикцией по рассмотрению нарушений гуманитарного права, применимого к немеждународным вооруженным конфликтам, исключая территориальную зависимость. Законодательство и многих иных государств содержит схожие нормы, предусматривающие ответственность за «серьезные нарушения» «Международного гуманитарного права», исключая территориальную и национальную зависимость¹.

От данной концепции отличается уголовное законодательство России. Уголовный кодекс Российской Федерации² (далее – УК РФ) сводит нарушение «Международного гуманитарного права» к ст. 359 «Преступления против мира и безопасности человечества», предусматривающей уголовную ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Принцип неприменимости к ним сроков давности, который гарантирует неотвратимость наказания виновных лиц, получил закрепление в п. 5 ст. 78 Общей части УК РФ. Он гласит: «К лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренным

отношении таких преступлений, даже если они совершены во время внутреннего конфликта за пределами территории Бельгии и не затрагивают интересов ее граждан.

¹ То есть, эти государства признают принцип универсальной юрисдикции национальных судов в отношении «серьезных нарушений», проецируя из на не международные правоотношения.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

статьями 353, 356, 357 и 358 настоящего Кодекса, сроки давности не применяются»¹.

Между тем, ст. 49, 50, 120, 146 всех четырех Женевских конвенций соответственно и п. 1. ст. 85 Дополнительного протокола I определяют, что универсальная юрисдикция национальных судов имеет первостепенное значение в пресечении «серьёзных нарушений».

В основу универсальной юрисдикции национальных судов положен известный в международном уголовном правосудии принцип «*a aut dedere aut judicare*» («либо выдай, либо суди»), в соответствии с которым государства должны осуществить розыск подвергать уголовному преследованию всех лиц, подозреваемых в совершении или приказавших совершить «серьезные нарушения», и подвергнуть справедливому суду, независимо от их гражданской принадлежности и места совершения преступления. Однако такие лица могут быть выданы для привлечения их к ответственности другому государству при условии, что эта страна имеет достаточно доказательств для обвинения этих лиц в уголовном порядке.

В системе ответственности по международному гуманитарному праву особое значение приобретают положения об уголовной или дисциплинарной ответственности «начальников» (военных командиров) за действия своих подчиненных, если не были предприняты все практически возможные меры для предотвращения или пресечения правонарушений (п. 2 ст. 86 Дополнительного протокола I). К таким мерам относится возбуждение дисциплинарного или уголовного преследования против тех, кто допускает подобные нарушения (п. 3 ст. 87 Протокола I). Речь идет об уголовной ответственности лиц, отдавших приказ о совершении действий, приведших к «серьезны нарушениям», считающимся военными преступлениями. Эти лица должны быть найдены и преданы суду (ст. 49 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях).

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Следует отметить, что юридически более четкое и развернутое положение об уголовной ответственности физических лиц – начальника и подчиненного – содержит ст. 7 Устава Международного трибунала по Югославии. В ней предусмотрена ответственность за все возможные формы совершения преступления: планирование, подстрекательство, отдача приказа, совершение, содействие и соучастие в подготовке совершения преступлений, подробный перечень которых содержится в ст. 2-5 Устава. В п. 2 ст. 7 четко сформулирован принцип, согласно которому должностное положение обвиняемого в качестве главы государства или правительства или ответственного чиновника не освобождает от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания. В п. 3 этой же статьи устанавливается, что факт совершения подчиненным любого из деяний, в том числе и «серьезных нарушений» гуманитарного права, не освобождает его начальника от уголовной ответственности, если он знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или совершил такое деяние, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких деяний или наказанию совершивших их лиц. А тот факт, что обвиняемый действовал по приказу правительства или начальника, не освобождает его от уголовной ответственности и может рассматриваться лишь как основание для смягчения наказания, если Международный трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия. Аналогичные этим формулировки и принципы получили закрепление в Статуте Международного уголовного суда (ст. 27, 28, 32, 33)¹.

При всех обстоятельствах обвиняемые лица пользуются гарантиями надлежащей судебной процедуры и правом на защиту. Содержащиеся в ст. 49 первой Женевской конвенции и соответствующих статьях трех других Женевских конвенций положения предусматривают наряду с правом на защиту право на обжалование, обязательность уведомления о вынесенном

---

¹ Римский Статут Международного уголовного суда. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения 18.11.2017).

приговоре и порядок исполнения наказаний. Во всех четырех Конвенциях устанавливаются процедуры расследования фактов нарушения Конвенций. В ст. 75 Протокола I содержится подробный перечень общепризнанных принципов судопроизводства: право обвиняемого на беспристрастный и независимый суд; личная уголовная ответственность; нет преступления без указания на то в национальном законе или норме международного права; не может налагаться более суровое наказание, чем предусмотренное законом на момент совершения уголовно наказуемого действия или упущения; презумпция невиновности; непосредственное судебное разбирательство; право не быть принужденным давать показания против самого себя или признавать себя виновным; не быть дважды преследуемым и наказуемым за одно и то же деяние и некоторые другие. Эти минимальные судебные гарантии должны применяться в отношении всех лиц, обвиняемых в нарушениях международного гуманитарного права, независимо от степени тяжести совершенных деяний.

При соблюдении устанавливаемых Женевским правом материальных и процессуальных норм и гарантий взаимодействие международной и национальных систем правосудия должно обеспечить осуществление уголовной ответственности и неотвратимость наказания лиц, совершивших или отдавших приказ совершить преступления против гуманитарного права, наиболее серьезные из которых определяются как военные преступления. Такое объединение усилий двух систем уголовного правосудия должно создать надежную основу защиты жертв вооруженных конфликтов и прав человека в современном мире.

§ 4. Обязанность государств расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов

Обязанность государств расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов возлагается на государства нормами двух отраслей

международного права: международным гуманитарным правом и международным правом прав человека. Международные договоры в области международного гуманитарного права закрепляют обязанность провести расследование гибели людей в вооруженных конфликтах международного характера, если произошедшее может быть квалифицировано как «военное преступление» или если погибшие являлись военнопленными или интернированными. Кроме того, уже сложился международный обычай, возлагающий подобную обязанность и в случае совершения военных преступлений в вооруженных конфликтах немеждународного характера¹.

В то время как ни универсальные, ни региональные международные договоры в области прав человека обязанность проводить расследование гибели людей прямо не закрепляют, международные судебные и квазисудебные органы по правам человека вывели существование этой процессуальной обязанности, толкуя право на жизнь в совокупности с обязательством соблюдать и обеспечивать соблюдение соответствующих договоров. Совпадает позиция этих органов и в отношении признания того, что обязанность проводить расследование продолжает действовать и в ситуации вооруженного конфликта.

Соответственно, необходимо выяснить, в каком объеме обязанность расследовать случаи гибели людей действует в вооруженных конфликтах, учитывая, что нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека применимы к регулированию этого вопроса одновременно².

Анализ практики международных органов по правам человека позволяет вывести два подхода к определению случаев гибели людей в ходе вооруженных конфликтов, подлежащих расследованию. Первый подход

---

¹ Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. М., 2006. Т. I. С. 781-785.

² См.: ICJ: Advisory Opinion on Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, 9 July 2004, § 106 // <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&k=5a&case=131&code=mwp&p3=4> (дата обращения 18.11.2017).

состоит в ограничении лежащей на государстве обязанности провести расследование только теми случаями, в отношении которых существует подозрение, что имело место нарушение материально-правовых обязательств по обеспечению права на жизнь¹. К примеру, именно такого подхода придерживается Комитет по правам человека ООН².

Второй – более широкий – подход к определению сферы действия данной обязанности был выработан Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). В решении от 19 февраля 1998 г. по делу «Кайя против Турции» этот Суд сделал вывод, что должны расследоваться все случаи применения силы, которые привели к летальному исходу. При этом ЕСПЧ постоянно требует, чтобы власти действовали по собственной инициативе³.

Межамериканский суд по правам человека (далее – АСПЧ) в своих решениях долгое время ссылался на обязанность проводить эффективное расследование случаев внесудебных, насильственных и произвольных казней⁴, придерживаясь, по сути, узкого подхода к трактовке обязанности проводить расследование. Однако в деле Монтеро-Арангурен, решение по которому было вынесено 5 июля 2006 г., этот международный суд, опираясь

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2008 г. № 63/182 «Внесудебные, суммарные и произвольные казни», A/RES/63/182, п. 3 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/481/73/PDF/N0848173.pdf?OpenElement> (дата обращения 18.11.2017); ЭКОСОС: приложение к Резолюции от 24 мая 1989 г. 1989/65 «Принципы эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней», п. 9 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NR0/765/01/IMG/NR076501.pdf?OpenElement> (дата обращения 18.11.2017); Совет по правам человека ООН: Резолюция 7/16 «Положение в области прав человека в Судане» от 27 марта 2008 г., п. 13, A/HRC/RES/7/16/2008 // http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_16.pdf (дата обращения 18.11.2017).

² HRC: General Comment № 06 «The Right to Life (Art. 6)», 30 April 1982, § 4 // [http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/84ab9690ccd81fc7c12563ed0046fae3?Opendocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/84ab9690ccd81fc7c12563ed0046fae3?Opendocument) (дата обращения 18.11.2017); General Comment № 31, § 15.

³ ECHR: *Ilhan v. Turkey*, 27 June 2000, § 63; См. также: Постановления Межамериканского суда по правам человека: *Mapiripan case*, § 257; *Velasquez*, § 180.

⁴ IACtHR: *Velasquez-Rodriguez*, § 176-178, 188; *Case of the Moiwana Community v. Suriname*, Judgment, 15 July 2005, § 145 // http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_124_ing.pdf (дата обращения 18.11.2017); *Bernabe Baldeon-Garcia v. Peru*, Judgment, 6 April 2006, § 92 // http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_147_ing.pdf (дата обращения 18.11.2017).

во многом на практику ЕСПЧ, вывел общую обязанность инициировать расследование каждого случая применения силы представителями государства *ex officio*¹.

ЕСПЧ, а вслед за ним и АСПЧ, требуя от государств проводить расследование, не дифференцируют ситуации в зависимости от того, имела ли место гибель человека в ходе вооруженного конфликта в рамках т.н. «полицейской» или «боевой» операции. Кроме того, сфера применения позитивных обязательств, вытекающих из права на жизнь, была распространена международными судебными и квазисудебными органами, занимающимися защитой прав человека, не только на ситуации, когда применение силы, приведшей к летальному исходу, вменяется правительственной стороне или когда нельзя точно установить, от чьих рук пострадал человек, но и на ситуации, когда применение силы явно вменяется оппозиционным группам². Более того, обязанность по проведению расследования охватывает и случаи, когда в качестве пострадавшего выступает сражавшееся лицо³.

На первый взгляд может показаться, что подобное толкование обязанности проводить расследование случаев насильственной смерти слишком широко для достаточно специфичной ситуации вооруженного конфликта, ведь в итоге меры уголовной ответственности будут применены, только если будет установлено, что имело место нарушение. Следовательно, результат будет тем же самым, что и в случае применения обязанности только к предполагаемым нарушениям права на жизнь, а значит, нет смысла проводить расследование во всех случаях. Однако это не так. В

---

¹ IACtHR: *Montero-Aranguren et al. (Detention Center of Catia) v. Venezuela*, Judgment, 5 July 2006, § 79 // http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_150_ing.pdf (дата обращения 18.11.2017).

² ECHR: *Kaya, Ergi*; IACtHR: *Velasquez-Rodriguez*, § 172, 176; AfrCHPR: *Amnesty International and Others v. Sudan*, Decision, November 1999, § 50 // <http://www1.chr.up.ac.za/index.php/browse-by-institution/achpr-commission/452-sudan-amnesty-international-and-others-v-sudan-2000-ahr-lr-297-achpr-1999.html> (дата обращения 18.11.2017).

³ ECHR: *Kanliba v. Turkey*, Decision, 8 December 2005, § 42; *Halit v. Turkey*, Decision, 2 May 2006, § 61.

словосочетании «предполагаемые нарушения» содержится значительный оценочный элемент, который наделяет слишком широкой свободой усмотрения тех, кто в итоге определяет, инициировать расследование или нет. Если учесть, что в условиях вооруженного конфликта возможности по направлению родственниками погибших заявлений о возбуждении уголовного дела могут быть серьезно ограничены, в результате решение вопроса о проведении проверки может находиться в руках той же стороны, что и применяла силу. Оправданность применения силы является достаточно сложным вопросом не только с точки зрения права, но и в связи с необходимостью тщательной оценки фактов. При ином подходе решение вопроса о возбуждении расследования будет зависеть от степени сомнений в ее правомерности, что в итоге может привести к тому, что очевидные случаи нарушения права на жизнь будут оставаться нерасследованными. Несмотря на то что расследование всех случаев гибели людей в ходе вооруженных конфликтов – это тяжкое обременение для правительства, оказавшегося в сложнейшей ситуации, нельзя забывать о том, что неотвратимость проверки легитимности применения силы *post factum* будет не только дисциплинировать военных (а равно и иных субъектов, применяющих силу), но и послужит гарантией от неоправданных обвинений правительственной стороны конфликта в нарушениях как прав человека, так и международного гуманитарного права.

При этом международные судебные и квазисудебные органы по правам человека, оценивая, проводилось ли расследование случаев гибели людей в ходе вооруженных конфликтов надлежащим образом, применяют те же критерии, что были разработаны ими для случаев мирного времени. Это принципы независимости, адекватности и эффективности, быстроты и открытости расследования¹.

---

¹ См.: Резолюция ЭКОСОС от 24 мая 1989 г. 1989/65 «Эффективное предупреждение и расследование незаконных, произвольных и суммарных казней» // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NR0/765/01/IMG/NR076501.pdf?OpenElement> (дата обращения 18.11.2017); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2008 г.

Из самого существования обязанности провести расследование логически следует, что для проведения проверки правомерности применения силы принципиальное значение имеет наличие задокументированной информации о конкретном случае гибели людей. Никто (даже руководители отдельной операции) без надлежащего исследования фактов не сможет добросовестно определить, имело место нарушение права на жизнь при применении силы или нет¹. Следует подчеркнуть, что хорошо отлаженная система сбора, хранения и последующего раскрытия информации позволила бы не только проконтролировать правильность исполнения принятых решений, но и помогла бы отвергнуть ложные или огульные обвинения в несоблюдении международного права.

О необходимости обеспечения надлежащей фиксации фактов гибели людей в результате применения силы в вооруженных конфликтах и хранения этой информации свидетельствуют многочисленные решения международных судебных и квазисудебных органов, которые при рассмотрении конкретных обращений требуют от государств-ответчиков представить доказательства, подтверждающие правомерность применения силы. Как правило, государства в силу разных причин: отсутствия соответствующей документации, ее уничтожения по истечении определенного времени, объявления сведений военной тайной или засекречивания в связи с использованием в рамках уголовного процесса – отказываются представить соответствующие источники. Голословные заявления представителей государств не принимаются в расчет международными органами по защите прав человека, которые в отсутствие

«Внесудебные, суммарные и произвольные казни», A/RES/63/182 (2008), § 3 // http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/63/182&referer=http://www.un.org/en/ga/63/resolutions.shtml&Lang=R (дата обращения 18.11.2017); CommHR, «Extrajudicial, summary or arbitrary executions», A/CHR/RES/58/36 (2002), § 5 // [http://www.unhcr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/\(Symbol\)/E.2002.23++E.CN.4.2002.200.En?OpenDocument](http://www.unhcr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/(Symbol)/E.2002.23++E.CN.4.2002.200.En?OpenDocument) (дата обращения 18.11.2017).

¹ См.: UN Commission on Human Rights (CommHR), Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions, 8 March 2006, E/CN.4/2006/53, § 42 // <http://www.refworld.org/docid/45377b100.html> (дата обращения 18.11.2017).

фактов и доказательств, явно свидетельствующих об обратном, признают применение силы произвольным¹. Соответственно, бремя доказывания явно смещается в сторону правительств, и это оправданно: если в ситуации мирного времени у индивидов нет возможности проводить процессуальные действия, то в сложной ситуации вооруженного конфликта тем более.

Из проведенного анализа следует, что международные органы по правам человека, занимаясь рассмотрением дел, связанных с гибелью людей в ходе вооруженных конфликтов, и толкуя нормы о защите права на жизнь, существенно расширили сферу применения обязанности по проведению такого расследования по сравнению с источниками международного гуманитарного права. Таким образом, с течением времени произошло ужесточение международно-правовых правил, связанных с соблюдением права на жизнь: государства обязаны проводить эффективное расследование всех случаев наступления смерти, связанных с применением силы в ходе вооруженных конфликтов, и это не зависит от того, какая именно сторона конфликта применяла силу и обратились ли родственники погибшего в правоохранительные органы.

Эти изменения в сфере применения и содержания международно-правовой обязанности по проведению расследования случаев гибели людей в вооруженных конфликтах не только должны учитываться государствами при проведении соответствующих операций, связанных с применением силы, но и должны быть отражены в национальном уголовном и уголовно-процессуальном праве, а также в наставлениях и руководствах для вооруженных сил.

---

¹ См.: ECHR: *Esmukhambetov and Others v. Russia*, 29 March 2003; *Taysumov and Others v. Russia*, 14 May 2009; *Umayeva v. Russia*, 4 December 2008; *Mezhidov v. Russia*, 25 September 2008.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История развития международно-правового регулирования защиты прав и свобод человека в период вооружённых конфликтов имеет чёткую периодизацию, включающуюся в себя два этапа и прямо соотносящуюся с периодизацией Всемирной истории:

1 этап – «От древности до Второй мировой войны»:

- развитие законов и обычаев войны в древности;
- развитие законов и обычаев войны в средневековье;

2 этап – «От Второй мировой войны до настоящего времени»:

- развитие законов и обычаев войны в новое и новейшее время.

Каждый из этапов имеет свои особенности, в совокупности отразившиеся на общем понятии «Международное гуманитарное право», под которым мы понимаем *«право, применяемое в вооруженных конфликтах, которое пытается смягчить проявления войны, во-первых, путем наложения ограничений на способы и методы ведения войны и, во-вторых, обязывая лиц, принимающих участие в военных действиях, оберегать и защищать тех, кто не принимает или прекратил принимать участие в военных действиях»*. Однако до сих пор остаётся не ясным статус «Международного гуманитарного права», как самостоятельной отрасли права, что связано с его двойственной природой. «Международное гуманитарное право» сочетает в себе признаки «Права войны», ограничивающего способы ведения войны и использование отдельных видов вооружения, и «Международного права прав человека», защищающего права и свободы человека на международном уровне. При этом полагаем, что присвоение самостоятельного статуса данной отрасли является принудительным и основывается на «утилитарном подходе».

Рассматривая «Международное гуманитарное право» как самостоятельную отрасль международного права, отметим, что оно распространяет своё действие на периоды войны. При этом термин война

также носит специфический характер. В соответствии с международным правом и его доктриной «война» входит в понятие «вооружённый конфликт», поэтому предлагаем следующую классификацию вооружённых конфликтов:

1. Международные вооружённые конфликты:

- Объявленная война;
- Открытые конфликты;
- Интернациональные конфликты;
- Оккупация;
- иные виды вооружённых конфликтов.

2. Немеждународные вооружённые конфликты.

В основу классификации положены: локализация конфликта, стороны, участвующие в конфликте, и соответствие критериям, определённым «Международным гуманитарным правом».

В силу двойственной природы «Международного гуманитарного права» и приведённой нами классификации вооружённых конфликтов, можно сделать вывод, что «Международное гуманитарное право» действует в пространстве и по кругу лиц. Однако такое действие имеет свои особенности. Субъектами «Международного гуманитарного права» выступают лица, пострадавшие от вооружённого конфликта, конфликтующие стороны, государства. Действие «Международного гуманитарного права» в пространстве связано с субъектами данных правоотношений и не имеет чёткой территориальной привязки.

Также необходимо отметить, что некоторые нормы «Международного права прав человека» распространяют своё действие на отношения по защите прав, возникающие в период международных вооружённых конфликтов. На основе этих норм обязательному соблюдению подлежат: право на жизнь, запрет применения пыток, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство видов обращения или наказания, запрет рабства, запрет придания обратной силы уголовному закону, принцип *nullum crimen sine lege*, а также право на признание правосубъектности, право на свободу мысли,

слова и религии. Международный пакт о гражданских и политических правах не допускает отступлений от запрета лишения свободы из-за невыполнения договорного обязательства. Американская конвенция о правах человека запрещает государствам-участникам отступать от обязанностей по защите семьи, соблюдению права на имя, прав ребенка, права на гражданство и на участие в государственном управлении, а также права на предоставление правовых гарантий для защиты прав. В свою очередь государства-участники Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод не могут отступать от запрета смертной казни в мирное время, а участники Протокола № 13 – и в военное время; Протокол № 7 запрещает привлекать к уголовной ответственности дважды. Наконец, принцип *non-refoulement*, закрепленный в Конвенции о статусе беженцев, и имеющий обычно-правовую природу, считается нормой *jus cogens*.

Между тем, в период вооружённых конфликтов государства имеют возможность отступать от соблюдения отдельных прав и свобод человека, но такое отступление должно сопровождаться уведомлением органов международного сообщества и наличием условий объективности и вынужденной необходимости. Это означает, что у государства должны быть достаточные основания для введения соответствующего режима.

В «Международном гуманитарном праве» нарушение прав и свобод человека получило название «серьёзные нарушения». Так, Женевская конвенция и Дополнительный протокол I выделяют ряд таких действий, которые в большей степени имеют связь с правом на жизнь или вытекают из него. Большая часть этих «нарушений» прямо или косвенно связана с правом на жизнь, естественным и неотъемлемым правом человека. При этом содержащийся в этих документах перечень «серьёзных нарушений» является правовым основанием для привлечения к международной уголовной ответственности в случае их совершения.

В период действия специального режима (ведение военных действий, участие в международном вооружённом конфликте и т.д.) действует принцип

lex specialis derogat legi generali, в соответствии с которым одна из отраслей является *lex specialis* (специальной). В науке существует две позиции по данному поводу. Одни авторы наделяют данным статусом нормы «Международного гуманитарного права», делая ссылку на § 25 Консультативного заключения Международного суда ООН о правомерности угрозы или применения ядерного оружия. Другие утверждают, что специальную норму необходимо определять в каждом случае индивидуально. В такой ситуации определение специальной нормы ставится в зависимость от двух критериев:

- чёткость и детализированность правовых норм, регулирующих правоотношения;
- функциональность – в качестве специальной нормы рассматривается правило, предназначавшееся для регулирования соответствующей ситуации.

По этой причине в период международных вооружённых конфликтов предпочтение может отдаваться как нормам «Международного гуманитарного права», так и нормам «Международного права прав человека». При этом независимо от того, какая норма признаётся специальной, совершение «серьёзных нарушений» влечёт за собой привлечение к уголовной ответственности. В таком случае действует принцип «универсальной» юрисдикции, в соответствии с которым лица, совершившие такие нарушения, привлекаются к ответственности независимо от территориальности и статуса субъектов данных правоотношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

Международные правовые акты

1. Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 5(18) октября 1907 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.
2. Всеобщая декларация прав человека. Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.
3. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.
4. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.
5. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.
6. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
8. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.
9. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

12. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

13. Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. // Human Rights. A Compilation of International Instruments. New York; Geneva, 1997.

14. Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений, принятая резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 г. // Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1999.

15. Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения 18.11.2017).

16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2008 г. № 63/182 «Внесудебные, суммарные и произвольные казни», A/RES/63/182, п. 3 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/481/73/PDF/N0848173.pdf?OpenElement> (дата обращения 18.11.2017).

17. Резолюция Совета по правам человека ООН 7/16 «Положение в области прав человека в Судане» от 27 марта 2008 г., п. 13, A/HRC/RES/7/16/2008 // http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_16.pdf (дата обращения 18.11.2017).

18. Резолюция ЭКОСОС от 24 мая 1989 г. 1989/65 «Эффективное предупреждение и расследование незаконных, произвольных и суммарных казней» // <http://daccess-dds->

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NR0/765/01/IMG/NR076501.pdf?OpenElement
(дата обращения 18.11.2017).

19. Приложение к Резолюции ЭКОСОС от 24 мая 1989 г. 1989/65 «Принципы эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней», п. 9 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NR0/765/01/IMG/NR076501.pdf?OpenElement>
(дата обращения 18.11.2017).

Международные документы и практика на иностранном языке

20. Advisory Opinion on Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, para. 106.

21. Bernabe Baldeon-Garcia v. Peru, Judgment, 6 April 2006, § 92 // http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_147_ing.pdf (дата обращения 18.11.2017).

22. CommHR, «Extrajudicial, summary or arbitrary executions», A/CHR/RES/58/36 (2002), § 5 // [http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/\(Symbol\)/E.2002.23++E.CN.4.2002.200.En?Opendocument](http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/(Symbol)/E.2002.23++E.CN.4.2002.200.En?Opendocument) (дата обращения 18.11.2017).

23. ECHR: Esmukhambetov and Others v. Russia, 29 March 2003; Taysumov and Others v. Russia, 14 May 2009; Umayeva v. Russia, 4 December 2008; Mezhidov v. Russia, 25 September 2008.

24. ECHR: Ilhan v. Turkey, 27 June 2000, § 63; См. также: Постановления Межамериканского суда по правам человека: Maripiran case, § 257; Velasquez, § 180.

25. ECHR: Kaya, Ergi; ECHR: Kanliba v. Turkey, Decision, 8 December 2005, § 42; Halit v. Turkey, Decision, 2 May 2006, § 61.

26. HRCmt: General Comment № 06 «The Right to Life (Art. 6)», 30 April 1982, § 4 // [http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/84ab9690ccd81fc7c12563ed0046fae3?Opendocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/84ab9690ccd81fc7c12563ed0046fae3?Opendocument) (дата обращения 18.11.2017); General Comment № 31, § 15.

27. HRCmt, General Comment № 31 [80], Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 29 March 2004 (далее - General Comment № 31). Ibid. Para. 10.

28. IACtHR: *Montero-Aranguren et al. (Detention Center of Catia) v. Venezuela*, Judgment, 5 July 2006, § 79 // http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_150_ing.pdf (дата обращения 18.11.2017).

29. IACtHR: *Velasquez-Rodriguez*, § 176-178, 188; *Case of the Moiwana Community v. Suriname*, Judgment, 15 July 2005, § 145 // http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_124_ing.pdf (дата обращения 18.11.2017).

30. ICJ: *Advisory Opinion on Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, 9 July 2004, § 106 // <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&k=5a&case=131&code=mwp&p3=4> (дата обращения 18.11.2017).

31. UN Commission on Human Rights (CommHR), *Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions*, 8 March 2006, E/CN.4/2006/53, § 42 // <http://www.refworld.org/docid/45377b100.html> (дата обращения 18.11.2017).

Нормативные правовые акты Российской Федерации

32. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 9. Ст. 851.

33. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

Научная и учебная литература

34. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения. 1989. 248 с.
35. Батырь В.А. Международное гуманитарное право. Учебник для вузов. М.: Юстицинформ. 2006. 335 с.
36. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Юстицинформ, 2011. 688 с.
37. Белугина А.В. Международная защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов. Курск: Союз, 2010. 244 с.
38. Беляева О.В. Институт ограничений прав и свобод человека и гражданина в российском праве: учебное пособие. Орел: Изд-во ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2013. 77 с.
39. Бирюков П.Н. Международное право: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2013. 821 с.
40. Гассер Х.П. Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК, 1999. 128 с.
41. Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт. с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
42. Калугин В.Ю. Международное гуманитарное право. Минск: Тесей, 1999. 308 с.
43. Карташкин В.А. Международная защита прав человека (основные проблемы сотрудничества государств). М.: Международные отношения, 1976. 221 с.
44. Ковалев А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. М.: Статут, 2013. 590 с.
45. Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М.: Юнити-Дана, 2013. 271 с.
46. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник. М.: Издательство БЕК, 1998. 410 с.
47. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830 с.

48. Международное гуманитарное право: Учебник / Под ред. А.Я. Капустина. 2-е изд. М.: Юрайт, 2011. 639 с.
49. Международное право: Учебник / Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М.: Норма, 2010. 720 с.
50. Мюллерсо Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юридическая литература, 1991. 160 с.
51. Стародубцев Г.С. История международного права и его науки. М.: РУДН, 2006. 208 с.
52. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: Учебник. 2-е изд. М.: Норма, 2009. 334 с.
53. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. М., 2006. Т. I. 543 с.

Научные статьи

54. Абашидзе А.Х. Роль международных процессуальных норм в деле защиты лиц от произвольных задержаний // Закон и право. 2012. № 6. С. 7-11.
55. Алешин В.В. Интернирование и вооруженный конфликт // Международное публичное и частное право. 2006. № 3. С. 48-51.
56. Алешин В.В. Особенности вооруженного конфликта немеждународного характера (теоретико-правовой анализ) // Государство и право. 2006. № 2. С. 100-104.
57. Алешин В.В. Правовое положение лиц, участвующих в вооруженном конфликте // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 73-75.
58. Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 41-51.
59. Валеев Р.М., Мавлетов Л.С. Вооруженные конфликты и международно-правовая защита лиц от насильственных исчезновений // Современные тенденции развития международного гуманитарного права:

сборник научных докладов Международной научно-практической конференции. Казань: Центр информационных технологий, 2011. С. 49-56.

60. Вельяминов Г.М. О понятиях международного частного права, правовой унификации и права в целом // Закон. 2013. № 12. С. 130-138.

61. Карташкин В.А. Международное право и личность // Международные отношения, политика и личность. М.: Наука, 1976. С. 115-122.

62. Карташкин В.А. Международное право и личность // Современное право. 2012. № 11. С. 110-118;

63. Карташкин В.А. Права человека и международное гуманитарное право // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 2-8.

64. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 18-37.

65. Сафронов Н.А. Материально-правовая имплементация римского статута международного уголовного суда: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов // Государство и право. № 3. 2012. С. 77-86.

66. Тузмухамедов Б.Р. Источники и понятия международного гуманитарного права в официальной практике Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2013. № 4. С. 39-42.

67. Черниченко С.В. Нарушения прав человека как международное преступление // Международное право – International Law. 2010. № 3 (43). С. 3-16.

Источники на иностранном языке

68. Attain J. The Jus Cogens Nature of Non-Refoulement // International Journal of Refugee Law. 2001. №13 (4). P. 538-558.

69. Meron T. International Criminalization of Internal Atrocities // American Journal of International Law. 1995. Vol. 89. P. 100.

70. Verdirame G. Compliance with Human Rights in UN Operations // Human Rights Law Review. 2002. Vol. 2. № 2. P. 286.

Диссертации и авторефераты диссертаций

71. Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 315 с.

72. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 627 с.

73. Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 285 с.

74. Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 475 с.

75. Русинова ВА. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 466 с.

76. Сашникова О.В. Реализация норм международного права о вооруженных конфликтах в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 236 с.

77. Смирнов М.Г. Защита жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера: международно-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 204 с.

78. Хейтем М. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010. 189 с.

79. Хейтем М. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010. 23 с.

Интернет-ресурсы

80. Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира, A/55/305 S/2000/809, 17 августа 2000 г. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/594/72/PDF/N0059472.pdf>.

(дата обращения 20.12.2017)

81. Сильван Вите Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf>

(дата обращения 10.01.2018)